

Татьяна Варнек

Воспоминания сестры милосердия

МЕДИЦИНСКИЙ
БЕСТСЕЛЛЕР

Татьяна Варнек

Воспоминания сестры милосердия

«Издательство АСТ»

Варнек Т.

Воспоминания сестры милосердия / Т. Варнек — «Издательство АСТ»,

Перед нами один из самых искренних и правдивых рассказов о Первой Мировой войне и страшных годах революции и гражданской войны. Их автор – Татьяна Варнек сразу после начала войны начинает работать сестрой милосердия во фронтовых госпиталях. Наступление в Галиции в 1914 году, тяжелые бои под Ригой в 1916, работа в госпиталях и военно-санитарных поездах... Грязь, смерть... зверства бандитов, все это придется пережить девушке из богатой дворянской семьи. А впереди – эмиграция.

© Варнек Т.

© Издательство АСТ

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	9
Глава 4	11
Глава 5	13
Глава 6	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Татьяна Варнек

Воспоминания сестры милосердия

Часть первая На великой войне

Глава 1 В поисках себя

В мае 1912 года я окончила восьмой класс гимназии Л. Ст. Таганцевой. Из моего класса почти никто не думал идти на курсы. Я решила поступать в Рисовальную школу Императорского общества поощрения художеств и с этим уехала в Москалевку (наше имение около Туапсе на Кавказе). Летом, переписываясь с подругами, я узнала, что многие собираются поступать в Кауфманскую общину¹ на курсы запасных сестер милосердия, особенно горячо увлеклась этой мыслью Аня Думитрашко, с которой мы были очень дружны. Она мне писала, что в жизни эти знания могут пригодиться, что летом в деревне при необходимости мы сможем сами оказывать помощь и т. п. Меня это тоже увлекло, и осенью мы, большая группа подруг, поступили в общину, одновременно я начала учиться в Обществе поощрения художеств. Всех слушательниц в общину поступило около четырехсот. При открытии кто-то из «думских» выступил с речью, говоря, что опыт японской войны показал, что нужны профессиональные сестры, а не волонтерки. Поэтому решено создать кадры запасных сестер, чтобы в случае войны не было необходимости в волонтерках. Лекции и практические занятия были каждый день. Программа очень большая. Строгости тоже. Нас по-кауфмански взяли в оборот, и за нами следили все время общинские сестры. Перед Рождеством были экзамены, устные и практические. Заниматься пришлось очень усиленно, особенно по практическим занятиям, – трудно было в очень короткий срок (по минутам) застелить кровать и заложить одеяло кауфманским углом. Дома у меня мы с Аней Думитрашко мучили бедного Женю (младшего брата), который добродушно подчинялся. Все же, при виде нас, он с отчаянием говорил: «Опять эта бинтовщица и бинтовщица». Мы его без конца бинтовали с головы до пят, поднимали, переносили. Пробовали проделать то же и с Петей, но он не давался. Ближе к экзаменам наша группа наняла одного из мальчиков, на котором вместе практиковались в общине. Отец одной из нас, проф. Вреден, дал нам в своей клинике палату, и там мы проходили всю программу. Мальчик наш (мы наняли одного из трех, с которыми вместе учились в общине) помогал и давал указания. Он все знал прекрасно. Экзамены были очень строгие, резали беспощадно, но наши гимназистки все сдали благополучно и даже хорошо. Самым страшным и трудным предметом была анатомия, и на этом экзамене провалились очень многие. Курс громадный, много времени уходило на его изучение, и готовить другие предметы было некогда, а их оказалось порядочно. Но мы все знали анатомию прекрасно по гимназии, где был тот же курс, что и в общине. Мы его сдавали на выпускном экзамене, так что нам надо было только слегка повторить его. Таким образом, у нас на другие предметы времени хватало. Все слушательницы курсов в общине были с гимназическим образованием, но наша гимназия, где преподавание

¹ Община имени генерал-адъютанта М.П. Кауфмана (1822–1902) выросла из образцово-поставленной школы ученых сиделок, открытой в 1902 г. Имела высокую профессиональную репутацию и отличалась строгими правилами. Работать в общине было в моде у представительниц всех слоев Петербургского общества. Председательницей и попечительницей была баронесса В.И. Икскуль фон Гиндельбранд.

каждого предмета велось шире, чем в других, обращала усиленное внимание на анатомию. На экзаменах провалилось больше половины учащихся, так что после Рождества на практику в больницу попало меньше двухсот человек.

В первые же дни многие не выдержали и ушли. Мы работали в ужасной городской Обуховской больнице, переполненной больными². Больница громадная и настолько старая, что, кажется, стены впитали в себя все запахи. Воздух был ужасный, беднота кругом; белье, одеяла – старые, все серое, никаких удобств, ничего нужного получить было нельзя, даже не хватало градусников, а злющая общинская сестра не спускала с нас глаз и все время цыкала.

Я попала в хирургическое отделение, где больше лежали хроники или, вернее, безнадежные. После первого дня работы, вернувшись домой, я без конца мылась, полоскалась одеколоном и не могла отделаться от ужасного больничного запаха. За столом ничего не могла есть.

Все же я продолжала работать. Как я уже сказала, в первые дни практики ушло несколько человек: условия тяжелые, а муштра была невероятная, замечания так и сыпались, и за самые пустяки. Мы терпели, сколько могли. Я проработала чуть больше месяца и бросила, а до диплома надо было работать до весны. Я, конечно, могла бы протянуть, но просто не захотела – диплом был мне не нужен, а из-за больницы приходилось пропускать занятия в Рисовальной школе, где я с увлечением занималась и думала пройти курс до конца. Я так уставала, бегая из больницы в школу, что не могла выезжать, а это был первый сезон с наилучшими балами и выездами. До окончания гимназии я еще почти не выезжала. Аня Думитрашко проработала еще немного после моего ухода и тоже ушла. У нас появилось свободное время, и мы с ней стали много ходить по музеям и выставкам. Часто катались на коньках, играли в теннис, веселились и о сестричестве забыли. Лето, как всегда, провела в Туапсе, и снова зима, учение в Рисовальной школе, выезды, веселье.

Весной 14-го года снова поехали в Москалевку, где всегда было так хорошо. Ходили на экскурсии, купались, катались на лодке, играли в теннис и немножко помогали в садах, главным образом по сбору фруктов. В мою обязанность входило еще обходить все розовые кусты и срезать розы: отцветшие в одну корзину, а в другую – для букетов, которые я же расставляла по всему дому.

Жили все беззаботно и не чувствовали приближающейся грозы. Почта приходила к нам всего три раза в неделю. Так что петербургские газеты в лучшем случае приходили на четвертый день. Получали и местную газету, но в ней известия были такие же старые. И вот, совершенно для нас неожиданно, на столбах и дубах вдоль шоссе появились расклеенные бумажки о мобилизации. Никто ничего понять не мог. Почему? Зачем? Стали гадать, папа читал в газетах о забастовках в Москве. Подумали, что из-за них. Как раз в этот день к нам на автомобиле приехали Вася и Ваня Черепенниковы (дальние соседи). Захватили Аню и меня к себе. По дороге мы волновались, спорили, стараясь угадать, в чем дело. (Ваню Черепенникова я видела в последний раз: в разгар революционных событий он был застрелен на их квартире в Петербурге во время обыска. Красноармейцы стали угрожать Ивану Васильевичу (отцу), Ваня бросился вперед, и его застрелили.)

Только через три дня после объявления мобилизации мы узнали, что это война. Я сейчас же решила работать сестрой, но очень боялась, что меня не возьмут, так как я была без диплома. Все же написала письмо старшей сестре общины Филипповой, спрашивая, что мне делать и могу ли я работать. Она сразу же мне ответила, и очень лаконично: «Приезжайте немедленно». Я быстро собралась и уехала. Это была середина августа.

Ехала довольно долго, так как прямых поездов уже не было, не было и плацкарт, но мне повезло: на пересадке в Ростове я попала в купе, где ехали трое молодых англичан и жена

² Сестры милосердия Кауфманской общины проходили практику в Обуховской больнице, пациентами которой были низы общества – нищие, бродяги, пьяницы.

одного из них. Они служили где-то на Кавказе и спешили обратно в Англию. Больше в нашей купе никто не сел, и мы прекрасно доехали до Петербурга. Англичанка и я имели по верхней полке, так что спали ночью прекрасно и могли раздеваться. Все мои спутники были очень милые люди, и мы, болтая, незаметно провели время. Распрощались в Петербурге около Николаевского вокзала. Дома я жила вдвоем с нашей старой кухаркой Настасьей. Вся наша семья приехала из Туапсе к началу занятий – к 1 сентября. На другой день после моего приезда я явилась в общину. Старшая сестра мне сказала, что мои экзамены и занятия зачтутся, но что я должна закончить практику. Меня послали в Александровскую больницу для рабочих, где уже работали волонтерки, которые после объявления войны поступили на ускоренные курсы сестер милосердия. Общинских и запасных сестер было так мало, что все общины открыли такие курсы. Без прохождения их начальник Красного Креста никого на работу не принимал.

Александровская больница была хорошо обставлена, очень чистая, и работать там было хорошо. Большинство сестер стремились на фронт: очень волновались, что не успеют, так как думали, что война скоро кончится.

В начале сентября оканчивала практику первая группа волонтерок. И вот, совершенно неожиданно, многие из них, человек двадцать, были приглашены на чай к баронессе Иксуль, попечительнице общины. Причем было сказано прийти в штатском платье (на работе мы носили форму: серые платья и большие четырехугольные кауфманские косынки, но без креста). На другой день после чая у баронессы некоторым из волонтерок было сказано, чтобы они в больницу больше не приходили, так как они сестрами милосердия быть не могут. Оказывается, этот прием был устроен баронессой, чтобы лучше рассмотреть, что собой представляют ее будущие сестры. Забраковала она тех девушек, которые были недостаточно скромно одеты и, вероятно, слишком развязны. Но такой «чай» больше не повторялся, так как о нем узнали все остальные.

Глава 2

Отъезд на фронт

Числа 19 сентября сорока шести сестрам, и мне в том числе, было приказано явиться в общину для получения креста. И нам дали или, вернее, разрешили нацепить крест, что мы тут же и сделали. После этого нам объявили, что 23-го мы уезжаем. Выдали каждой по сундуку, кожаную куртку, теплое ватное черное пальто и список вещей, которые мы должны взять с собой. Мне и пяти сестрам (четыре из них – волонтерки) сказали, что мы должны сшить себе настоящую общинскую форму, как сестры запаса, то есть черные платья и кокошники. Мы шестеро получили назначение в 1-й Подвижной кауфманский лазарет бакинских нефтепромышленников, стоящий в Галиции в Жолкиве, откуда перевелось несколько сестер, и нас послали их сменить. Остальные сорок волонтерок ехали с нами только до Киева, где они поступали в распоряжение главноуполномоченного Юго-Западного фронта для получения назначений в Военное ведомство.

Дома началась невероятная горячка: надо было все купить в три дня, сшить форму – платья, косынки, передники. Высокие сапоги на заказ сделать было невозможно – не хватало времени, и мне купили готовые – кадетские, очень некрасивые (потом я себе сделала на заказ). Накануне отъезда уложенный сундук надо было отвезти в общину. Оказалось, что все сундуки там просматривали и одну волонтерку исключили, найдя что-то, чего не должно было быть. Что это было, никто из нас не знал! Уже в поезде долго гадали, какую такую «ужасную» вещь она взяла с собой? И наконец решили, что это была... пудра!

Наступил вечер 23 сентября 1914-го, и я уезжала на фронт. Мы получили отдельный вагон второго класса и еще несколько купе в соседнем.

Провожали нас все наши родные, друзья и знакомые. Толпа на вокзале была не меньше двух тысяч человек. Нас засыпали цветами, шоколадом и просто разрывали на части: каждый хотел поговорить, попрощаться, кое-кто благословлял иконками. Дивный складьш, которым меня благословила Таня Кугушева, сохранился у меня до сих пор.

Не успели мы войти в вагоны, как из окон повысовывались головы в косынках. В них нас трудно было узнать, тем более что в форме нас еще никто не видел. Все стали выкрикивать имена своих сестер: «Ирина, Таня, Маня, Ксения!..»

Отъехали под громкие крики «ура!». Придя немного в себя, мы стали устраиваться. Ехали нормально, по четыре в купе. Диваны были завалены шоколадом, конфетами и цветами. Запах одуряющий, особенно от тубероз. Сообща решили на ночь одну уборную отдать под цветы; сколько могли, поставили в умывальник.

Мы начали знакомиться друг с другом. Я сразу сошлась с Ксенией Исполатовой, и мы скоро подружились.

Глава 3

Лазарет в Жолкиве

В Киеве мы шестеро расстались с волонтерками, пересели на другой поезд и поехали во Львов, где на вокзале пришлось долго ждать поезда на Жолкив. Громадный, чудный вокзал со стеклянной крышей не имел больше парадного вида: народу было мало, и только военные. Мы уселись вокруг столика в огромном пустом зале буфета. Закусили своими продуктами и стали поедать конфеты из большой коробки, которую кто-то из нас поставил посредине стола. Почему-то пустынный зал и большая коробка конфет остались в памяти.

Сидели мы долго, пока какой-то врач не подошел к нам и не попросил помочь перевязать раненых, так как сестры эвакуационного пункта не успевают. Мы сразу же пошли, с радостью, но и со страхом: ведь мы еще никогда по-настоящему не работали и с ранеными встречались впервые. Нас отвели в большой зал, полный солдат, ожидавших перевязки. Там работали врач и фельдшера. Мы облегченно вздохнули, увидев, что раненые все легкие, больше всего «пальчики»: тяжелых перевязывали на эвакуационном пункте. Со страхом и большим старанием мы принялись за дело. Перевязывали медленно, но справились благополучно. Проработали до прихода нашего поезда. Это было наше «боевое крещение»!

Наконец мы приехали в Жолкив, маленький городок, где нас поразило количество евреев, в лапсердаках и с пейсами. Вид неопрятный, особенно неприятно выглядит молодежь.

Лазарет встретил нас неприветливо – старший врач, прибалтийский немец фон Кюмель, рыжий, с желтыми глазами, плохо говорящий по-русски; старшая сестра Большакова, общинская, уже немолодая. Препротивная рыхлая баба и, как ни странно для кауфманской сестры (думаю, что она из сиделок Кауфманской общины – двухлетние курсы, назначили сестрой), малоинтеллигентная, даже, вернее, совсем простая баба. Как она могла быть кауфманской сестрой? Непонятно! Она сразу же зашипела: «На что мне эти волонтерки, прислали бы двух общинских, и было бы гораздо лучше». К довершению нашей беды, почти все раненые были эвакуированы. Осталось человек двенадцать, работы было мало, и Большакова взяла нас в оборот. Цукала за все, и особенно попадало, если ей покажется, что наши волосы недостаточно натянуты перед кокошником, не дай Бог, если выбьется прядь. А бедной сестре Турман, у которой волосы вились, влетало все время. Большакова с нами не церемонилась, просто подходила, подсовывала пальцы под волосы и кричала: «Убрать!» Мы же держались дружно и мстили, как могли. Это, конечно, было невозможно во время работы, и только за столом мы давали себе волю. Все мы были молодые, приблизительно одного круга, и наши разговоры раздражали Большакову. Естественно, мы вспоминали Петербург, выезды, знакомых. Часто мелькали громкие фамилии и титулы. Мы заметили, что Большакову это злило, и нарочно подливали масла в огонь, придумывая самые невероятные имена и титулы, пересыпая свою речь французскими фразами, которых она не понимала. Она приходила в невероятную ярость и кричала: «Эти мне графья да князья!» Для нас же эта проделка была единственным утешением!

Нас распределили на работу: одну назначили по хозяйству, другой удалось сразу же перейти в отряд, где работала ее родная сестра, остальные четверо попали в палаты: три дежурили днем и одна, по очереди, ночью.

Помещение было небольшое, и палаты смежные. В моей лежали три раненых австрийца, у Ксении, рядом, пять русских. В первой были австрийцы и русские и в отдельной комнате пленный австрийский капитан. Так как лазарет был подвижной, то и имущество было самое скромное и только самое необходимое: кровати походные с тюфяками, набитыми соломой, никаких столиков. На перевязки нас не пускали, и мы целый день должны были проводить в палате и что-то делать. Но как заполнить день в пустой палате с несколькими не очень тяже-

лыми ранеными? А у меня вдобавок были австрийцы. Я делала им что было нужно, но ни в какие разговоры не вступала, а Большакова появлялась по нескольку раз в день и, если видела, что мы ничего не делаем, начинала шипеть: «Надо работать, хорошая сестра всегда найдет работу!» Заставляла мыть то окно, то большую кафельную печку, то стол или дверь. Придет в другой раз, и снова мой ту же печку или окно, и так без конца. Мы не имели права разговаривать друг с другом, хотя между палатами была дверь. Раненые наши солдаты ее ненавидели, так же, как и мы, и старались нам помочь, как только она уйдет. Мы с Ксенией сдвигали свои стулья спинками друг к другу в дверном проеме между нашими палатами, садились и разговаривали. Больные следили за входной дверью и, как только заметят, что дверь открывается, кричали: «Корова идет!» Мы вскакивали, хватали тряпки и усиленно начинали что-нибудь тереть. С Ксенией мы подружились и, когда были свободны, уходили гулять по Жолкиву, иногда и за город, по снежному полю. Раз даже удалось попасть в синагогу.

Глава 4 «Бунт сестер»

Кроме неприятностей со старшей сестрой, нас приводил в недоумение (возмущаться мы еще не смели) наш старший врач Кюммель. Мы заметили, что пленников он перевязывал каждый день и долго с ними возился, на наших же не обращал почти никакого внимания. Кроме того, он целыми днями просиживал у пленного австрийского капитана и болтал с ним по-немецки.

Через некоторое время были эвакуированы последние раненые, и нас перевели немного вперед, ближе к фронту, на станцию Ланцуг в имение графа Потоцкого. Мы быстро развернулись на самой станции. Но стоянку нам выбрали неудачную: санитарные поезда на ней не разгружались, и мы стояли без дела. Волновались, сердились, зная, что в других местах большая нужда в лазаретах. Начали даже ссориться друг с другом. Мы с Ксенией очень подружились, но часто ссорились, мирились и снова ссорились; она была на два года моложе меня и прямо из института попала на фронт. Это была настоящая наивная институтка, да еще очень восторженная и увлекающаяся. Постоянно влюблялась, теряла голову и воображала, что ей сделают предложение. Я ее старалась направлять на путь истинный, она сердилась и говорила, что я ревную. Выходила ссора, затем я оказывалась права, она плакала, и мы мирились. Мы почти все время были с ней вдвоем, ходили осматривать дивный замок Потоцкого, фазановый заповедник, гуляли и много пели: у Ксении был чудный слух и довольно хороший голос. Так что мы с ней распевали дуэты: если я могла вторить, то она пела первым голосом, если нет, то наоборот. Мы находили, что выходит хорошо, были довольны и все разучивали новые песни. Но, несмотря ни на что, томилась и мечтала о том, что нас переведут в другое место.

Один раз у нас произошел такой случай: утром, когда мы вошли в столовую пить чай, увидели доктора Кюммеля с тремя австрийцами в форме, стоящими около карты Галиции; они что-то показывали на ней и о чем-то говорили. Увидя нас, доктор и австрийцы ушли. На столе стояли стаканы и остатки еды, которой доктор угощал австрийцев. Мы были возмущены до глубины души, но окончательно рассвирепели, когда в тот же день кто-то прибежал к нам сказать, что на станции стоит товарный поезд, полный ранеными, без медицинского персонала и что раненые кричат, просят пить и есть. Мы побежали к доктору Кюммелю сообщить об этом, в полной уверенности, что он прикажет накормить их и даже оказать помощь, но он не только не приказал нам сделать это, но, наоборот, категорически запретил нам туда идти и что-либо давать раненым. Мы, все сестры и санитары, так возмутились, что, не обращая внимания на запрет врача, побежали к поезду, поили всех водой и давали хлеб, который могли унести из лазарета: это все, что мы могли сделать. Но за доктором начали следить, будучи теперь уверены, что он если не шпион, то на стороне немцев! Но к кому обратиться? Как поступить? В Ланцуге мы простояли около недели и переехали еще вперед, на станцию Мелец, недалеко от Ржеснева. Но там работы тоже не было. Нас придали 16-й Кавалерийской дивизии, которая в то время там уже стояла на отдыхе.

В эту дивизию входил и Новоархангельский уланский полк, но Васи (Вас. Вас. Протопопова), там еще не было. Ближе всех к нам стояли черниговцы, они быстро с нами познакомились и стали у нас бывать. В нашей столовой стояло пианино, и корнет Андреевский постоянно на нем наигрывал и пел. Доктор Кюммель был страшно зол на то, что в лазарет приходят офицеры, встречал их весьма нелюбезно, а иногда и дерзко. Но они на него не обращали никакого внимания, тем более что мы им рассказали о немецких симпатиях доктора. Понемногу мы налаживали лазарет: набивали матрасы, зашивали их, но, так как раненых не предвиделось, мы не торопились.

Наступило Рождество. Дивизия устроила обед – в каком-то большом зале, был приглашен весь лазарет. Народу оказалось очень много, собрались все офицеры дивизии, но нам не было весело, так как нас посадили на почетные места, около генерала Драгомирова и его штаба. Все наши знакомые сидели далеко.

С доктором у нас отношения становились все хуже и хуже: раз за столом он, что-то рассказывая, сказал: «У нас в Германии». Пылкая Ксения со всей силы ударила кулаком по столу и крикнула: «Доктор, у нас в России!» Мы стали во все стороны писать письма, прося обратить внимание на доктора Кюммеля. Но результатов не было никаких. Наконец, отчаявшись, мы написали в Красный Крест коллективное заявление. Мы и не подозревали, что этого делать нельзя. Но зато они заволновались в Управлении! Правда, не из-за доктора, а из-за «бунта сестер»!

Приехал уполномоченный, нас отчитал, но все же выслушал. Через некоторое время от нас перевели трех сестер: одну в отряд в Галицию, а двух – в госпиталь в Петербург. Доктора не тронули, и мы были в отчаянии. Из нашей группы остались Ксения и я, кроме того, из старого состава, старшая операционная и аптечная сестры.

Глава 5

Перевод во Львов

Почти в то же время дивизию перебросили в Карпаты и нас перевели за ней: там шли большие бои. Нас поставили в Ясло. Там мы поместились в чудном богатом особняке, мы с Ксенией жили в прекрасной спальне красного дерева. Лазарет находился рядом в казенном здании: раненные все лежали в одном большом зале. Все очень тяжелые, и их было около ста, а нас, считая старшую, было всего пять сестер. Сразу взялись за работу. Дела было столько, что даже Большакова нас оставила в покое. Сама она взяла на себя хозяйство. Палатных сестер было только две – Ксения и я, и при всем нашем желании мы справиться с работой не могли: ведь на нас лежали и ночные дежурства. Спасла положение очень милая общинская сестра Курепина, работавшая в операционной и перевязочной. Она сказала, что тоже будет дежурить ночью. Противная аптечная сестра, флиртовавшая со старшим врачом, себя не утруждала, сидела в аптеке, но помогать другим не пожелала. Ее фамилия была Чихиржина, но санитары ее называли «Чихирина жена». С 8 часов утра до 8 вечера мы с Ксенией носились по палате, едва успевали быстро проглотить обед. У Курепиной перевязки чередовались с операциями, тоже с 8 часов утра до 8 вечера. На ночь, быстро поужинав, оставалась одна из нас и до поздней ночи заканчивала то, что мы не успели сделать днем. В 8 часов утра приходили на работу две другие сестры, но ночная не уходила и продолжала работать до 8 вечера и, только проработав подряд тридцать шесть часов, уходила домой. Так шла наша работа тридцать шесть часов подряд, затем два дня отдыха и снова тридцать шесть часов с ранеными. Но дела было столько, что об усталости не думали. В такой работе прошло три недели, после чего начали постепенно эвакуировать раненых. Стало легче.

В это время к нам приехал полностью укомплектованный новый состав лазарета. В Петербурге все же обратили внимание на наши жалобы. Меня перевели в Кауфманский, собственный Государыни Императрицы Марии Федоровны госпиталь № 2, стоящий во Львове. Сестру Курепину отозвали в общину. Ксению, по просьбе ее дяди Ильина, председателя Российского общества Красного Креста, перевели в госпиталь в Петербург. Думаю, что он хотел через нее узнать, что у нас творилось. Старшую сестру Большакову исключили из общины.

Что стало с доктором Кюммелем, никто из нас не мог узнать, но нигде в общине он не работал и вообще о нем никто не слышал. Я очень жалела, что пришлось расстаться с Ксенией, тем более что в госпитале я никого не знала. Помещался он в громадном прекрасном здании какого-то учебного заведения и был тоже прекрасно оборудован. Принимали в него только самых тяжелых. Старшим врачом был Вл. Ник. Томашевский – прекрасный хирург, любящий свое дело, но с ужасно деспотическим характером. Все другие врачи оказались очень хорошие и серьезные. Сестер было двадцать одна. Старшая сестра – графиня Бобринская, фрейлина Государыни Марии Федоровны. Она была женой генерал-губернатора Галиции. Ее дочь и *belle-fille*³ работали у нас сестрами. Все ее называли не «сестра», а «графиня», ее все уважали, но боялись. Считался с ней даже старший врач и тоже побаивался.

Еще до моего приезда в госпиталь, в самом начале, он ударил санитаря. Графиня об этом узнала, вызвала Томашевского к себе и сказала, что она сообщит о случившемся Государыне. Томашевский три дня сидел запершись у себя. Потом, очевидно, все уладилось, и он снова взялся за работу, но больше рук своих не прикладывал.

Графиня жила совсем на особом положении, у нее в гостинице был свой номер, хорошо обставленный; ее автомобиль, реквизируемый для войны, был дан госпиталю; ее мобилизо-

³ Жена сына (*фр.*).

ванные шофер и лакей были у нас: первый – шофером графини, а второй подавал нам к столу. Автомобилем пользовалась только графиня. Она как будто не работала, но видела все и все держала в руках. Всегда была спокойна, никогда не повышала голоса, кажется, почти не делала замечаний. Да и к чему они: все сестры работали по доброй воле, идейно, и отдавали все свои силы и душу раненым. Кроме того, все было так налажено, распределено, что каждый наш час, каждый наш шаг были заранее известны.

Этот госпиталь можно сравнить с прекрасно налаженной машиной, и мы являлись ее частицами. Поэтому у нас не было «личной жизни». Между сестрами не было подруг: все обращались друг к другу на «вы», не возникало и ссор. Свободного времени почти не оказывалось, работы же – очень много. Поэтому, хотя в госпитале не встретилось ни одного знакомого, я сразу же вошла в общее течение. Меня поместили в большую комнату, очевидно гостиную директора учебного заведения, где мы стояли. Там еще висели картины, стояли кресла, столики. В этой комнате нас было пять, через нее проходили еще три сестры. У каждой из нас был свой уголок, отгороженный креслами, цветами.

Меня назначили в одну из двух перевязочных второй сестрой. Там уже работала сестра Радкевич. Она хорошо меня приняла и начала обучать. Когда я все постигла, мы стали работать как равные, подавали по очереди и по очереди помогали врачам. Когда приходил перевязывать своих больных старший врач Томашевский, гроза перевязочной, ему всегда подавала Радкевич, а я помогала. Его появления боялись все: как только нам сообщат, что идет Томашевский, все врачи быстро заканчивали перевязку больного и скрывались, больных выкатывали, санитар и мы спешно приготавливались, все прибирали. Томашевский входил в пустую перевязочную, за ним вкатывали его больного, и начиналось священнодействие. Перевязывал он невероятно медленно, рассматривая рану и подолгу раздумывая над ней, сидя на табурете. Помогая ему, я часто должна была держать на весу раненую руку, ногу, и если, не дай Бог, у меня от усталости дрогнет рука, начинаются дикие крики. Если Радкевич не уловит момента, когда ему подать, или не угадает и подаст не то, о чем он думает, – снова крики. Санитарам влетало не меньше нас, хотя они оба отлично работали. Но зато он работал прекрасно и делал чудеса.

Оперировали три раза в неделю, по утрам. Присутствовали все врачи, операционная сестра и все четыре перевязочных. Оперировали одновременно на двух столах. Подавали две сестры: операционная – старшему врачу и старшая перевязочная – на другой стол, где оперировал один из врачей. Остальные три сестры были: одна на «барабанах» и две – «на челюстях». То есть первая открывала барабан со стерильным материалом, а другие держали челюсти больного при наркозе. Я обыкновенно держала челюсти у больного, которого оперировал старший врач.

Я никогда после не видела такого священнодействия и такого напряжения у всех присутствующих, начиная с врачей и кончая санитарями: каждое движение было точно рассчитано и изучено. Тишина была полная. Изредка слышались слова оперировавших врачей и звук инструментов, все это иногда прерывалось гневными выкриками Томашевского, который без этого работать не мог: подала ли сестра не совсем тот инструмент, о котором он думал, замешкались на какую-нибудь долю секунды она или ассистент или дрогнула под моими руками трепанируемая голова, Томашевский сердился, кричал – и снова тишина. Держать челюсти при трепанации было мучение, особенно если голова лежала на боку: пальцы затекали и замирали. И как удержать, когда врач начинает долбить? Раза два был случай, когда Томашевский запустил инструментом в очень опытную операционную сестру.

Впоследствии, уже в Константинополе, я была самостоятельной операционной сестрой у профессора Алексинского, который оперировал очень быстро, но как спокойно: никогда не только криков, но даже замечания!

В госпитале мы работали каждый день, с утра до вечера. По окончании перевязок мы могли быть свободны, но они никогда не кончались раньше 7–8 вечера, и поэтому мы не имели

свободных часов отдыха. Графиня обратила на это внимание и сказала Томашевскому, чтобы он раз в неделю нас отпускал после обеда. Он согласился. Все врачи в этот день (назначили четверг) устраивались так, что кончали свои перевязки к обеду. Но старший врач регулярно «не успевал», говорил, что придет сразу после обеда и отпустит нас, но большей частью мы простаивали весь день, а он появлялся только к вечеру. Но в конце концов графиня настояла, и нас стали отпускать. Палатные сестры были свободны через день, от двух до пяти, и весь день после ночного, но они были заняты 8–10 часов в день.

Как только у нас снова появилось свободное время, мы стали гулять по Львову и его осматривать. Замечательно красивый, большой европейский город, много зелени, сады, интересный старинный собор. Но чаще всего, если хватало времени, мы отправлялись на холм Славы, где были похоронены все убитые на войне и умершие в госпиталях. Это довольно высокий холм за городом, склоны его ярко-зеленые, но, когда поднимаешься на верх, зелень обрывается и видишь громадное плоскогорье, посыпанное светлым песком, и на нем бесконечные правильные ряды белых каменных крестов. Посредине общий памятник. Содержались могилы прекрасно, но этот контраст, между зеленью подъема и голой равниной с крестами, был потрясающий!

Моя работа в перевязочной мне очень нравилась, тем более что Томашевский, несмотря на его свирепость, как хирург был очень интересен: он все время искал новые методы лечения, старался их улучшить. А когда был взят Перемышль, он в тот же день поехал туда, чтобы в австрийских госпиталях поискать что-либо новое. И действительно, он привез идеальный образец шин для вытягивания ног и рук. Сейчас же заказал для госпиталя. Мы стали широко применять их, с прекрасными результатами, правда, сестрам в палатах работы прибавилось. Но, несмотря на интересную работу, я в перевязочной томилась: не было никакого общения с живыми людьми. Привозили к нам раненых с марлей на глазах, так что мы почти не видели лица. Знали всех по фамилии, но это относилось не к человеку, а к ноге, руке, животу и т. д. Тяжело было еще и потому, что сестры, кроме работы, между собой ничего общего не имели: разговоры только о больных, никто друг с другом не сходилась, и, будучи всегда на людях, я чувствовала себя одинокой и мечтала перейти в палату.

Но на Пасху на несколько часов порядок нашей размеренной жизни был нарушен приездом Великого Князя Александра Михайловича и Великих Княгинь Ксении Александровны и Ольги Александровны. Они приехали от имени Государыни Марии Федоровны поздравить всех с праздником и привезли всем больным и персоналу большие фарфоровые яйца Императорского завода. Я получила большое белое яйцо с фиалками и вензелем. Великий Князь Александр Михайлович и Великая Княгиня Ксения Александровна медленно обходили всех больных, разговаривали, расспрашивали. Но Ольга Александровна держалась отдельно. Она с начала войны работала сестрой Евгениевской общины⁴, приехала в форме, но вид ее нас поразил – мы все были в полном параде: в своих черных платьях, в белоснежных косынках, кокошниках, белых передниках и крахмальных манжетах. А Ольга Александровна приехала в старом платье, мятой косынке, рабочем клетчатом переднике и в стоптанных желтых туфлях. Когда наши гости уезжали, весь персонал вышел из приворот и окружил автомобиль.

⁴ Община св. Евгении Красного Креста была образована в 1893 г. Комитетом попечения о сестрах милосердия. Название получила по имени принцессы Евгении Ольденбургской, ставшей ее председательницей.

Глава 6

Рукопожатие государя

9 апреля 1915 года во Львов приехал Государь. Прошла торжественная служба в церкви, мы там были, стояли совсем близко от него и хорошо его видели. Нам сообщили, что Государь решил приехать к нам в госпиталь. Начались страшные волнения и приготовления. Приезд был назначен на 11 апреля. Все было готово к приему. Графиня нас, сестер, учила, как себя держать, делать не реверанс, а поясной поклон, не целовать руку... Но вдруг кто-то приехал и сказал, что Государь неожиданно уезжает и не успеет побывать у нас, – огорчение и разочарование были ужасные, но к госпиталю подъехало несколько автомобилей. Это Государь их послал за врачами и сестрами, чтобы мы могли ему представиться на вокзале и проводить. Мы все уже были готовы к приему, в парадной форме, так что сразу сели и поехали.

Нас провели на перрон около царского вагона, от которого шла дорожка в комнаты, где находился Государь со свитой, туда прошла графиня. Старший врач стал нас устанавливать, вернее, сам остался с врачами, выстроившимися вдоль дорожки, а нам сказал стать за их спинами, что мы покорно и сделали. В это время из царских комнат вышел окруженный офицерами свиты Великий Князь Николай Николаевич. Он посмотрел на нас и приказал, чтобы сестры вышли вперед и стали вдоль дорожки, врачам же сказал отойти назад. Моментально, счастливые, мы, двадцать сестер, сомкнулись в одну шеренгу. Все молчали, но волновались страшно.

Вот из комнат вышел Государь с графиней. Мы низко поклонились. Государь шел медленно, останавливался перед каждой сестрой. Графиня называла фамилию, и он подавал руку. Рядом со мной стояла сестра Раич, у которой была Георгиевская медаль. Он ее спросил, где и когда она ее получила. Дальше стояла очень нервная сестра Юрьевич, она не выдержала и поцеловала руку, Государь ничего не сказал, но слегка ее отдернул.

Затем он встал на площадку вагона, мы толпой подошли ближе и, не отрываясь, на него смотрели. Он был в защитном. Небольшого роста, в гимнастерке, такой скромный, но чудный! Какие у него были глаза – добрые, вдумчивые, но грустные. Когда мы подошли, он сказал: «Благодарю всех вас за вашу работу!» Поезд тронулся, и больше мы его никогда не видели.

Мы долго стояли молча и смотрели на удаляющийся поезд. Но надо было спешить в госпиталь, где не оставалось ни одной сестры. Нас быстро отвезли обратно. Ехали молча, каждая переживала эти незабываемые минуты и в своей руке чувствовала «Его пожатие». Я боялась до чего-нибудь дотронуться своей рукой; она была не частью меня, а чем-то священным! Мы были в каком-то дурмане, зачарованные. Прошло несколько дней, пока наконец мы не пришли в себя. Грустный взгляд Государя нас преследовал. Мы молились и шептали: «Господи! Помоги Государю!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.